

Юйчэн, год четвертый, весна, третий месяц

Застава Медной Горы

Чун Дай сидел в боковом зале резиденции военного инспектора. Получив утреннее приглашение, он поспешил сюда, но оказалось, что Принц Чэн — Чун Ю — уже ушел провожать дворцового посланника, доставившего императорский указ. Лениво покручивая в пальцах пиалу, он задумчиво разглядывал висевший на стене свиток.

Чун Ю прибыл на Заставу Медной Горы в позапрошлом году и перестроил под свою резиденцию обширную усадьбу. Сама по себе она была невелика, но благодаря извилистым тропинкам, изящным мостикам и продуманной планировке разительно отличалась от унылых, серых северных дворов, напоминая скорее изысканные сады Юга. Он всей душой привязался к этому уголку и запечатлел его на свитке в тончайшей технике гунби, передав саму душу усадьбы.

Картина, украшавшая западную стену зала, изображала резиденцию прошлой зимой: заснеженные ветви сливы мейхуа, тишина и покой застывшего мгновения. Сбоку изящным округлым почерком сяочжуань были выведены строки:

В тоске склоняюсь у перил заставы дикой,

Виски седеют, медлит мысль в плену забот.

Когда б весенний груши цвет — как чистый снег —

Вновь обнимать, забыв стихи из года в год.

Каллиграфия была безупречной, дышала духом древности — то была рука самого Чун Дая.

Вспомнилось, как Чун Ю, увидев тогда, что тот отложил кисть, подошел ближе, чтобы полюбоваться его работой.

— Снег из грушевого цвета? — задумчиво произнес он тогда. — Что ж, здешние метели у Заставы Медной Горы и впрямь могут поспорить с весенним цветением груш у Обители Цветочных Одежд под Тяньцзином.

— Ваше Высочество, эти слова — лишь скромное подражание древним поэтам, — ответил Чун Дай.

— Вот как? Растолкуй-ка.

— «Опавший цвет груш у крыльца лежит, как сугроб... Кто в будущем году придет грустить у этих перил?»

Чун Дай вздохнул, возвращаясь мыслями к настоящему. С тех пор как позапрошлой осенью он прибыл на Заставу Медной Горы, пролетело больше года. В конце минувшей зимы старый генерал Фу Юаньтай привел с собой еще две тысячи воинов из Лагеря Доблестной Кавалерии. Весной и летом они несколько раз сталкивались с разрозненными отрядами северных варваров бэйди, но с первыми же холодами застава намертво заперла ворота, уклоняясь от любых сражений. И вот теперь из столицы прибыл императорский указ. Странно то, что весть доставили именно Чун Ю, а не Фу Юаньтаю. Неужели Его Величество решил передать тайные инструкции лично инспектору армии через доверенного евнуха?

Чун Дай стряхнул оцепенение и поднес пиалу к лицу. Тонкий аромат сразу выдал императорский чай «Цзысуньцзянь» — фиолетовые бамбуковые почки. Листья были нежными, крошечными. Здесь, на суровой Заставе Медной Горы, где весна всегда задерживалась, согреть ладони чашей изумрудного настоя казалось непозволительной роскошью, дарующей неожиданное тепло.

Вдруг снаружи раздались торопливые шаги. Опустив пиалу, Чун Дай поднялся и шагнул навстречу вошедшему. В дверях показался Принц Чэн — Чун Ю. На нем было парадное чиновничье одеяние первого ранга, расшитое узорами вздымающихся волн и парящих журавлей, а на ногах — тяжелые парадные сапоги. Выглядел он взволнованным и спешащим. Едва увидев Чун Дая, он не дал тому склониться в приветствии, а просто увлек его за рукав обратно в глубину покоев.

Было очевидно, что Принц Чэн пребывает в превосходном расположении духа. Чун Дай приготовился слушать вести из дворца, однако его собеседник не спешил. Он неторопливо поднял чашу с чаем, любуясь игрой изумрудных чаинок, и спросил:

— Цзыхоу, узнаешь этот сбор?

— Узнаю. Это дворцовый «Цзысуньцзянь».

— Верно, верно! Как я мог забыть, ты ведь сын принца, тебя такими вещами не удивить. А знаешь ли ты, когда этот чай раскрывает свою истинную силу?

— Ваше Высочество, хоть этот сорт и собирают до начала весны, в народе говорят: «До весеннего равноденствия лист слишком нежен, после — грубеет, и лишь на самой грани сезонов рождается истинный вкус». Самыми лучшими считаются почки, собранные в течение трех дней вокруг праздника Чуньфэнь. Их аромат крепок и стоек.

Чун Ю благосклонно улыбнулся и кивнул.

— Все так. Тот чай, что налит у нас сейчас — из старых запасов, былой аромат увял. Но

сегодня посланник проделал путь в тысячу ли не только ради указа: он привез свежий весенний сбор прямо из императорских погребов. Нам обоим крупно повезло.

Чун Дай промолчал, вновь уставившись на зеленую воду. В прошлые годы в день весеннего равноденствия они всегда собирались с Фу Исянем — варили чай, играли на цине, наслаждаясь безмятежной свободой. Но после их расставания у Ворот Воинственного Превосходства позапрошлым летом от друга не было ни весточки. Как он там, рядом с императором Чун И? Справляется ли? При одной мысли о Фу Исяне на душе у него сделалось беспокойно.

Заметив, что собеседник ушел в себя и хранит молчание, Чун Ю пригубил чай и негромко кашлянул. Чун Дай мгновенно опомнился и, слегка поклонившись, поспешил сгладить неловкость:

— Лишь благодаря вашей щедрости, Ваше Высочество.

— Это милость Его Величества. Император в Тяньцзине денно и ночно печется о рубежах у Заставы Медной Горы.

Чун Дай кивнул и, тщательно взвешивая каждое слово, произнес:

— Я безмерно благодарен Государю за доверие и желал бы делом доказать свою преданность. Однако здесь, на заставе, я слишком часто чувствую себя связанным по рукам и ногам.

Чун Ю искоса взглянул на него, удивленно приподняв брови:

— Что же мешает тебе развернуться в полную силу, Цзыхоу?

Тот тяжело вздохнул:

— Ворота на запоре, боевые знамена свернуты, сражений нет. Вашему покорному слуге, как офицеру-авангардисту, попросту негде применить свои умения.

— Ну что за глупости? Император лично даровал тебе титул Генерала, Покоряющего Варваров. Разве это не признание твоих заслуг?

Видя, что Чун Дай угрюмо молчит, Чун Ю примирительно кивнул:

— Здешний гарнизон почти целиком состоит из ветеранов Великого генерала Фу Юаньтая. Старые вояки упрямы и заносчивы, а ты молод и пока не успел прославиться в великих битвах. Понятно, почему тебе трудно ими командовать. К тому же варвары бэйди чрезвычайно сильны в зимних сражениях, мы уже не раз несли из-за этого тяжелые потери. Оттого-то с наступлением холодов застава и держит глухую оборону. Генерал Фу Юаньтай с тех пор, как

усмирил мятежников на озере Дунтин в двадцать второй год правления Лунчжэна, безвыездно находится здесь. Суровый климат подкосил его здоровье, старые недуги обострились, да и кончина почившего императора стала для него тяжелым ударом. Сейчас действительно неподходящее время для наступления. Тебе нужно набраться терпения, Цзыхоу, и ждать своего часа.

Поняв, что Чун Ю явно выгораживает старого генерала, Чун Дай не стал спорить. Он поднялся, намереваясь откланяться, но Принц Чэн жестом остановил его.

— Уже уходишь?

— Да, Ваше Высочество. Две тысячи всадников из Лагерь Доблестной Кавалерии все еще плохо знают особенности здешней местности. Я должен лично следить за их ежедневными учениями, нельзя упускать ни минуты.

— О, как радеешь ты об этих двух тысячах воинов, — протянул Чун Ю.

Чун Дай вскинул брови — тон принца показался ему излишне ядовитым. Пока он подбирал достойный ответ, Чун Ю продолжил:

— Впрочем, мне думается, дело вовсе не в учениях. Мои слова задели тебя, Цзыхоу, и ты просто ищешь предлог, чтобы уйти.

— Ваш покорный слуга не посмел бы.

Чун Ю встал и подошел к окну. Вглядываясь в серое небо, он негромко произнес:

— А ты умеешь держать лицо, Цзыхоу. Столько времени прошло, а ты ни разу не спросил меня о вестях из столицы.

— О чем вы, Ваше Высочество? Неужели я похож на человека, не знающего приличий?

Чун Ю резко обернулся:

— Государь женился.

Сердце Чун Дая пропустило удар. Чун Ю же сиял от радости:

— Его избранницей стала Линьсю, старшая дочь Жуй Жуна, начальника императорской гвардии.

Услышав имя невесты, Чун Дай мгновенно все понял:

"Без сомнения, это затея Сяошаня. Ах, Фу Исянь... Я знаю, как глубоки твои чувства, но зачем же быть столь упрямым? Ты загоняешь нас обоих в ловушку. Если бы я только мог предвидеть это тогда... Мне следовало забрать тебя и уехать далеко-далеко. С твоим гордым нравом любить Чун И — значит обресть себя на вечные муки ради его блага. Как ты перенесешь его женитьбу? Каково тебе сейчас?"

Чун Ю заметил, как побледнел и осунулся Чун Дай. Он посмотрел с легким недовольством чужой холодностью, но, отличаясь мягким нравом, он лишь вздохнул и велел слугам заварить присланный из дворца свежий чай.

Чун Даю ничего не оставалось, кроме как вернуться на свое место. Новый весенний «Цзысуньцзянь» манил глубоким янтарно-изумрудным цветом и долгим, изысканным послевкусием, но гость пил его глоток за глоток, совершенно не чувствуя вкуса. Все эти месяцы на Заставе Медной Горы он изнурял себя учениями, составлял планы обороны, устраивал пиры для воинов — делал все, лишь бы заглушить мысли о Фу Исяне. Но стоило сегодня плотине рухнуть, как воспоминания хлынули неудержимым потоком, отзываясь в голове глухим, мучительным звоном.

Чун Ю молча сидел напротив. Зал погрузился в тишину, в которой каждый остался наедине со своими думами.

Наконец Принц Чэн нарушил молчание:

— Ну как тебе свежий сбор, Цзыхоу? Есть ли разница?

— Чай великолепен. Но есть в нем один изъян.

— О? — оживился Чун Ю. — И в чем же он?

— Ваше Высочество, хороший чай — это союз листа и воды. Сбор безупречен, спору нет, но заварен он на воде из обычного колодца. Оттого настой и сохраняет красивый цвет, но оставляет на языке горьковато-соленый привкус.

— Твоя правда. Но эту воду трижды фильтровали чистым речным песком, лучшей на всей заставе не сыскать.

— Старожилы рассказывали мне, что лучшая вода течет в горных источниках у уезда Хэюань. Родники те питаются талыми снегами Великих Синих Гор, вода процеживается сквозь толщу скал и становится сладкой на вкус. Вот на ней заварить этот императорский сбор — получился бы подлинный шедевр.

Чун Ю внимательно, с тайным умыслом посмотрел на собеседника. Чун Дай поспешил опустить взгляд к своей пиале. Немного подумав, Принц Чэн отставил чашу и с улыбкой произнес:

— Что ж, решено. В честь императорской свадьбы завтра вечером я устрою грандиозный пир для всего гарнизона. Сегодняшний же день совершенно свободен от забот. Не желает ли господин генерал составить мне компанию и прогуляться до уезда Хэюань за той самой родниковой водой?

<http://bllate.org/book/19874/2040329>